

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

(Литературно - музыкальная композиция)

(XI класс)

В сценарии использованы фрагменты из романов Б. Васильева «В списках не значился», «А зори здесь тихие», повестей И.Богомолова «Иван», В.Быкова «Альпийская баллада».

Под звуки танго «Брызги шампанского» на сцену вбегают юноши и девушки и начинают весело танцевать. Внезапно раздаются звуки разорвавшихся бомб. Танцующие замирают на месте. Музыка стихает. Звучит голос Левитана:

«...Сегодня, в 4 часа утра, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке наши города - Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие. Красная армия и весь наш народ поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.»

Звучит песня «Священная война».

Участники торопливо покидают сцену и выходят вновь с вещмешками за спиной, выстраиваются в шеренгу.

Появляется **старшина**. Строевым шагом проходит через зал и становится в начале шеренги.

Старшина. Товарищи добровольцы! По порядку номеров рассчитайсь! Доложить о себе!

1-й - Николай Плужников

7-й - Гурвич

2-й - Семишный

8-й - Четвертак

3-й - Васков

9-й - Бричкина

4-й - Осянина

10-й - Гальцев

5-й - Кирьянова

11-й - Иван Бондарев

6-й - Комелькова

12-й - Терешкин

Старшина. Вглядитесь в эти лица. Запомните их молодыми. Немногие из тех, кто ушел на фронт в первые дни войны, вернулся назад. (Отдает команду) Напра-во! Шагом марш! (Вновь звучит «Священная война»)

(На сцене появляются двое ведущих.)

1-й ведущий.

Война - жесточе нету слова.

Война - печальней нету слова.

Война - святее нету слова.

В тоске и славе этих лет.

И на устах у нас иного.

Еще не может быть и нет.

2-й ведущий. Не было безымянных героев. Были люди, у каждого свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды. Пусть эти люди будут всегда близки вам как друзья, как родные.

1-й ведущий. Им было тогда девятнадцать. Они, не обстрелянные еще солдаты, выходили из окружения, потому что где-то сражался Брест.

Не раз, Не второй, И не сотый
От крепости немец отбит.
Уже как пчелиные соты
Все стены, а крепость стоит.
Ну, кто там, ну, кто там остался?
Форты разбомбили дотла
И доты... А стяг не шатался,
А стяг не окутала мгла.

(Ведущие уходят. Звучит песня «Батяня, комбат» в исполнении группы «Любэ».)

Появляются лейтенант Плужников и старшина Семишный. Лейтенант поддерживает с трудом передвигающегося Семишного, осторожно усаживает Семишного на пол, укрывает шинелью. Семишный с трудом прислоняется к стене. Морщится от боли. Плужников садится рядом. Звуки музыки затихают.)

Семишный. Смерть меня по кускам берет, Коля. Холодна она, шинелью не закроешь. *(Говорит медленно, с трудом.)* Стонать начну - разбуди. Не буду просыпаться - пристрели.

Плужников. Ты что это, старшина?

Семишный. А то, что я даже мертвым к немцам попасть права не имею. Слишком много им радости будет.

Плужников *(вздыхнув).* Этой радости им хватает.

Семишный. Этой радости они не видели! *(Рванул лейтенанта к себе.)* Святого не отдавай. Сдохни, а не отдавай-

Плужников. Ничего не понимаю. Что святого?

Семишный. Слушай меня, лейтенант. Наверх, лейтенант! Чтоб знали: крепость жива. Чтобы и мертвых боялись. Чтобы детям, внукам и правнукам заказали в Россию соваться. *(Говорит, задыхаясь.)* Мы честно выполняли свой долг, себя не щадя. И до\$ конца - так до конца. Не позволяй себя убивать раньше, чем умереть. Только так. Только так, солдат. Смертию смерть поправ. Только так.

Плужников. Сил нету, Семишный. *(Тихо.)* Сил больше нету.

Семишный. Сил нету? Сейчас будут. Сейчас дам тебе силы. Расстегни меня. Грудь расстегни. Ватник, гимнастерку, все. Расстегнул? Сунь руку. Ну? Чуешь силу? *(Плужников вынимает знамя.)* С первого дня на себе ношу *(Сдерживает*

рыдания.). Знамя полка на мне, лейтенант. Его именем жил, смерть гнал до! последнего. Теперь твой черед. Умри, но немцам не отдавай. Не твоя эта честь и не моя - Родины нашей. Это честь. Не запятнай, лейтенант.

Плужников. Не запятнаю.

Семишный. Повторяй: клянусь...

Плужников. Клянусь.

Семишный. Никогда ни живым, ни мертвым...

Плужников. Ни живым, ни мертвым.

Семишный. Не отдавать врагу боевого знамени.

Плужников. Боевого знамени.

Семишный. ...моей Родины - Союза Советских Социалистических Республик.

Плужников. ...моей Родины, Союза Советских Социалистических Республик.
(Встает на колени, целует знамя.)

Семишный. Когда помру, на себя наденешь. А раньше не трожь. С ним жил, с ним и помереть хочу. (Молчание. Опираясь на Плужникова, встает.) Не сдали мы крепость.

Плужников. Не сдали. И не сдадим.

(Вновь звучит «Батяня, комбат». Медленно уходят.

Появляются ведущие.)

1-й ведущий. Николай Плужников. Сражаясь, держался в развалинах Брестской крепости 10 месяцев. Но вышел из этой борьбы непобежденным, несдавшимся, «смертью смерть поправ».

2-й ведущий. Тяжело приходилось на войне мужчинам, что же говорить о женщинах. У войны - не женское лицо.

1-й ведущий. Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя? Везде шли ожесточенные бои, только здесь, на тихом разъезде, пришлось вести бой необычного значения, потому что вели его не мужчины-бойцы, а девушки-зенитчицы.

(Уходят. Раздаются голоса птиц. За столом старшина Васков изучает карту.)

Осянина. (Вбегает, запыхавшись.) Товарищ комендант! Товарищ комендант!

Васков. Что?

Осянина. Немцы в лесу!

Васков. Так, откуда известно?

Осянина. Сама видела. Двое с автоматами, в маскировочных накидках.

Васков. Команду в ружье! Боевая тревога. Кирьянову ко мне! Бегом. (Вбегают Кирьянова.) Стройте людей. Осянина пойдет старшей.

Кирьянова. Построены, товарищ старшина.

(Васков критически разглядывает выстроившихся девушек.)

Васков. Строй, нечего сказать. У одной волосы, как грива, у другой какие-то бумажки в голове. Вояки. Чеши с такими в лес, лови немцев с автоматами. Вольно.

Осянина. Женя, Галя, Лиза...

Васков. *(Поморщился.)* Погодите, Осянина. Немцев идем ловить - не рыбу. Так чтоб хоть стрелять умели что ли...

Осянина. Умеют.

Васков. Да, вот еще. Может, немецкий кто знает?

Гурвич. Я знаю.

Васков. Что - я? Что такое я?.. Докладывать надо.

Гурвич. Боец Гурвич.

Васков. Ох-хо-хо! Как по-ихнему «руки вверх»?

Гурвич. Хенде хох.

Васков. Точно. *(Махнул рукой.)* Ну, давай, Гурвич. Идем на двое суток, так надо считать. Взять сухой паек, патронов. Подзаправиться. *(Девушки засмеялись.)* Ну, поесть значит плотно. Обуться по-человечески. На все - сорок минут. Р-разойдись! Кирьянова и Осянина - со мной. *(Девушки убежали, Кирьянова и Осянина подошли к столу.)*

Васков. Значит, на этой дороге встретила? *(Показывает на карте.)*

Осянина. Вот тут. А прошли мимо меня по направлению к шоссе.

Васков. К шоссе? А чего ты в лесу в четыре утра делала? *(Осянина молчит.)*

Кирьянова. *(Не глядя на Васкова.)* Просто по ночным делам.

Васков. Ночным? Для ночных дел я вам самолично нужник поставил. Или не вмещаетесь?

Кирьянова. Знаете, товарищ старшина, есть вопросы, на которые женщина отвечать не обязана.

Васков. *(Крикнул, ударил ладонью по столу.)* Нету здесь женщин! Нету! Есть бойцы и есть командиры, понятно? Война идет, и куда она не кончится, все в среднем роде ходить будем. Стройте людей. *(Осянина отдает команду, все построились.)*

Васков. Противника не бойтесь. Он по нашим тылам идет, значит сам боится, но близко не подпускайте. В пути не отставать и не разговаривать. Если дорога попадетя, как надо действовать?

Комелькова. Одна - справа, другая - слева.

Васков. Скрытно. В случае обнаружения противника или чего непонятного... Кто по-звериному или, там, по-птичьему кричать может? *(Смеются.)* Я серьезно спрашиваю! В лесу сигналы голосом не подашь: у немца тоже уши есть.

Гурвич. Я умею. *(Робко.)* По ослиному: и-а, и-а!

Васков. Ослы здесь не водятся. Ладно, давайте крякать учиться. Как утки. *(Показывает, все засмеялись.)* Так селезень утку подзывает. Ну-ка, попробуйте. *(Все крякают.)* Идем на Вонь-озеро. Глядите сюда. *(Все столпились у карты.)* Ежели немцы к железке идут, им озера не миновать. А пути короткого они не знают! Значит, мы раньше их там будем. До места нам верст двадцать. К обеду придем. Все понятно, товарищи бойцы? Все. Понятно.

Васков. Заместителем на все время операции назначаю сержанта Осянину. Сигналы напоминаю: два кряка - внимание, вижу противника. Три кряка - все ко мне. *(Все засмеялись.)* Головной дозор, шагом марш! *(Уходят.)*

Ведущий. Они шли на Вонь-озеро. Прямую дорогу туда немцы знать не могли, потому что дорогу эту Васков открыл сам, еще в финскую. У немцев был один путь: в обход, по лесам. И как бы ни шли его бойцы - немцам все равно идти дальше.

(Выходят Васков и Гурвич.)

Васков. А ну, боец Гурвич, крякни три раза.

Гурвич. Зачем это?

Васков. Для проверки боевой готовности. Ну, забыла, как учил?

Гурвич. *(Заулыбалась.)* Нет, не забыла! *(Крякает. Все прибегают.)*

Осянина. Что случилось?

Васков. Коли что б случилось, так вас бы уже архангелы на том свете встречали. Растопались, понимаешь, как телушки. И хвост трубой. Устали?

Комелькова. Еще чего!

Васков. Вот и хорошо. Что в пути заметили? Младший лейтенант Осянина.

Осянина. Вроде ничего. Ветка на повороте сломана была.

Васков. Молодец, верно. Ну, замыкающие? Боец Комелькова.

Комелькова. Ничего не заметила, все в порядке.

Бричкина. *(Торопливо.)* С кустов роса сбита. Справа еще держится, а слева от дороги сбита.

Васков. Вот глаз! Молодец, красноармеец Бричкина. Сейчас 15 минут покурить можно, оправиться. *(Хихикают.)*

Васков. *(Нахмурился.)* Не реготать! И не разбегаться. Все. Ну, что, товарищи бойцы, умаялись?

Бричкина. Умаялись.

Васков. Ну, отдыхайте покуда. Дальше легче будет.

Осянина. Нам бы помыться.

Васков. На той стороне протока чистая. Хоть купайтесь.

Четвертак. А мне как же без сапога. *(Вздыхнула.)*

Васков. А тебе чуню сообразим, только уже за болотом, потерпишь?

Четвертак. Потерплю.

Комелькова. Я мокрая до самых-самых.

Бричкина. Думаешь, я сухая. Я раз оступилась да как сяду. *(Смеются.)*

Комелькова. *(Шепотом.)* Тихо-то как. Как во сне.

Васков. Монах тут жил когда-то. Легонт прозвищем. Безмолвия искал.

Гурвич. Безмолвия здесь хватает.

Васков. Ну, в путь, товарищи бойцы. Нам еще часа полтора ноги глушить. За мной, бегом!

(За сценой раздаются звуки автоматной очереди, крики Жени Комельковой: «А ну, идите ближе! Что испугались? Вот вам за Галю! Вот вам за Риту!»)

Комелькова поет. Длинная автоматная очередь. Голос смолкает.

Выходит Васков, едва переставляющий ноги. Говорит с рыданием в голосе.)

Васков. Положил ведь я вас, всех пятерых положил, а за что? За десяток фрицев? Что ответить, когда спросят: что же это вы, мужики, мам наших от пуль защитить не могли? Что же это вы со смертью их оженили, а сами -

целехонькие? Дорогу Кировскую берегли да Беломорский канал? Да там ведь тоже, поди, охрана.

Голос Риты. Не надо. Родина ведь не с каналов начинается. Совсем не оттуда. А мы ее защищали.

(Звучит песня «Журавли». Выходят ведущие.)

1-й ведущий. В рядах защитников Родины были и дети.

2-й ведущий. Дети и война. Нет более ужасного сближения противоположных вещей на свете. *(Музыка стихает.)*

На сцене грубо сколоченный стол, на нем телефон.

Топчан, на котором спит Гальцев. Входит ефрейтор.

С ним грязный, мокрый мальчик лет десяти.)

Ефрейтор. Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться. *(Трясет с силой за плечо.)* Тут задержали одного...

Гальцев. Зажгите лампу!

Ефрейтор. Ползал в воде возле берега. Зачем - не говорит, требует доставить в штаб. На вопросы не отвечает: говорить, мол, буду только с командиром.

Гальцев. *(Встал, одевается.)* Иди, встань к печке! Кто такой?

Иван. Пусть он выйдет.

Гальцев. Ожидайте наверху. *(Натягивает сапоги.)* Ну, что ты молчишь? Откуда ты?

Иван. Я Бондарев. *(Тихо, с интонацией.)* Сейчас же сообщите в штаб 51-му, что я нахожусь здесь.

Гальцев. Ишь ты! Ну а дальше? *(Улыбается.)*

Иван. Дальше вас не касается. Они сделают сами.

Гальцев. Кто это «они»? В какой штаб сообщить и кто такой 51-й?

Иван. В штаб армии. Полевая почта в/ч 4955.

Гальцев. Сними все с себя, разотрись. *(Бросает ему полотенце.)* Живо! Что это у тебя на спине? *(Громче.)*

Иван. Не смейте кричать! Это вас не касается. Ваше дело доложить, что я здесь.

Гальцев. Ты меня не учи! *(Прикрикнул.)* Ты не соображаешь где ты находишься. Твоя фамилия мне ничего не говорит. Пока ты не объяснишь, кто ты и откуда, и зачем попал к реке, я и пальцем не пошевелю.

Иван. Вы будете отвечать.

Гальцев. Ты меня не пугай - ты еще мал! Говори толком откуда ты? *(Иван, закутавшись в ватник, молчит.)* Ты просидишь здесь сутки, трое, пятеро, но пока ты не скажешь, кто ты и откуда, я сообщать о тебе никуда не буду. *(Иван отвернулся.)* Ты будешь говорить?!

Иван. Вы должны сейчас же доложить в штаб 51-му, что нахожусь здесь.

Гальцев. *(Раздраженно.)* Я тебе ничего не должен. Кто это 51-й? Откуда ты? Говори, если хочешь, чтобы я о тебе доложил.

Иван. *(Сквозь зубы.)* С того берега.

Гальцев. С того берега? А как же ты попал сюда? Чем ты можешь доказать?

Иван. Я не буду доказывать. Я больше ничего не скажу. Вы не смеете меня допрашивать. О том, что я с того берега, знает только 51-й. Вы должны сейчас же сообщить ему: Бондарев у меня. И все. И за мной приедут. *(Выкрикивает.)*

Гальцев. *(Крутит ручку телефона.)* Товарищ капитан, восьмой докладывает. У меня здесь Бондарев. Бон-да-рев! Он требует, чтобы о нем было доложено «Волге». Я сам не знаю, кто он, он не говорит. Требуется, чтобы я доложил в «Волгу» 51-му. Звания у него нет. *(Улыбается.)* Это мальчик... понимаете, мальчик лет двенадцати. Товарищ капитан! *(Кричит.)* Честное слово, это мальчик! Я думал, вы о нем знаете... Слушаюсь, товарищ капитан, но что же с ним делать, с мальчиком?

Иван. *(Громко и решительно.)* Вы ему скажите: если он будет орать и не доложит 51-му - он будет отвечать.

Гальцев. Ты просил, чтобы я доложил о тебе - я доложил. Приказано посадить тебя в землянку.

Иван. Я сказал вам доложить в штаб армии 51-му, а вы куда звонили?

Гальцев. Ты сказал! Я не могу сам обращаться в штаб армии.

Иван. Давайте я сам позвоню. *(Хватает трубку.)*

Гальцев. Не смей! Кому ты будешь звонить? Кого ты знаешь в штабе армии?

Иван. *(Угрюмо, не выпуская трубку.)* Подполковника Грязнова, капитана Холина.

Гальцев. Откуда ты их знаешь?

Иван. Сейчас же позвоните - или я сам позвоню.

Гальцев. *(Отбирает трубку.)* Восьмой беспокоит. Товарищ капитан, прошу меня выслушать. Я опять по поводу Бондарева. Он знает подполковника Грязнова и капитана Холина. Есть ожидать.

(Звонок.)

Голос по телефону. Гальцев? Здорово, Гальцев! Бондарев у тебя?

Гальцев. Здесь, товарищ подполковник!

Голос по телефону. Слушай внимательно! Никаких расспросов о нем. Холин выезжает за ним. Прежде всего дай ему бумагу и чернила. Что он напишет - в пакет и сейчас же с надежным человеком отправь в штаб полка. Это наш парень, вник?

Гальцев. Так точно. *(Достает бумагу, ручку. Отдает Ивану. Иван пишет.)* Послушай, у нас в батальоне есть Бондарев. Не родственник случаем?

Иван. Нет. У меня нет родственников. Отец погиб. Сестренку убили. Одна мать, и та не знаю, где сейчас.

(Входит Холин с чемоданом, бросается к мальчику, обнимает его.)

Холин. Иван! *(Тиская его плечи, отступает на шаг, разглядывает восторженными глазами.)* Касатонич ждет тебя с лодкой у Диковки, а ты здесь.

Иван. В Диковке немцев - к берегу не подойдешь. *(Виновато улыбается.)* Я плыл от Сосновки. Знаешь, на середине выбился да еще судорога прихватила - думал, конец.

Холин. *(Вскричал.)* Так ты что? Вплавь?

Иван. На полене. Ты не ругайся - так пришлось. Лодки наверху, и все охраняются. Знаешь, выбился, а полено крутится, выскользывает, а еще ногу прихватило, ну, думаю, край. Понесло, понесло, не знаю, как выплыл.

Холин. *(Раскладывает на столе еду.)* Да, это чудо, вода ледяная, а тебя без малого снесло на три километра. Ты давай, ешь.

Иван. Отвык помногу. Не могу.

Холин. *(Гальцеву.)* Ему столько довелось пережить, что нам не снилось. Он и в партизанах был, и в лагере смерти. У него одно на уме: мстить до последнего. То, что он делает, и взрослым редко удается. Он один дает больше, чем ваша разведрота. Мы тут два дня бились - уговаривали его поехать в Суворовское училище. Командующий сам убеждал его: и по-хорошему, и грозился. А в конце концов разрешил с условием, последний раз. *(Ивану.)* Может ляжешь, отдохнешь?

Иван. Нет, поехали. Подполковник ждет меня.

Гальцев. Ну, Ванюша, прощай. *(Протягивает руку.)*

Иван. Не прощай, а до свидания. *(Холин, Иван уходят.)*

Гальцев. Но свидеться нам больше не удалось. *(Помолчав.)* Погиб Иван, погиб героически в застенках гестапо.

(Вновь звучит песня «Журавли». Выходят ведущие.)

1-й ведущий. Сколько сотен тысяч, а может, миллионов было уничтожено в застенках гестапо, в лагерях смерти. Плен, неволя, издевательства фашистов, нечеловеческие условия существования, в которых просто сохранить достоинство, сохранить в себе человека, волю к сопротивлению - уже подвиг.

(Звучит «Бухенвальдский набат».)

2-й ведущий. Лишь вы, только ваши плечи
Груз выдержать смогли такой.
Он свыше силы человечьей,
Не по плечу стране другой.

(Музыка смолкает.)

Иван. *(Выходит медленно, осматривается.)* Эй, Джулия! *(Тихо.)* Джулия!

Джулия. *(С трудом переставляет ноги, садится.)* Финита, Иван.

Иван. Как это «финита»? А ну, вставай.

Джулия. Нон вставай. Нет вставай.

Иван. Ты что, шутишь? А ну поднимайся. Еще немного - и перевал. Ну, ты слышишь?

Джулия. Финита. Нон Джулия марш.

Иван. Понимаешь, нельзя тут оставаться. Закоченеет. Видишь снег. *(Достает из-за пазухи хлеб, отламывает кусочек.)* На вот хлеба.

Джулия. Хляб? *(Встрепенулась, подняла голову, взяла хлеб и быстро съела.)* Еще хляб.

Иван. Нет, больше не дам.

Джулия. Малё, малё хлеб. Дай хляб! *(Жалобно.)*

Иван. На перевале получишь.

Джулия. Нон перевал!

Иван. Какой черт «нон»?! (Кричит.) А ну, вставай. Ты что надумала? Замерзнуть? Кому ты этим зло сделаешь? Немцам? Или ты захотела им помочь: в лагерь вернуться? Ага, они тебя там давно ждут.

Джулия. (Сильнее запахивается в тужурку.) Нон лагерь.

Иван. Вот мне еще «нон»... (Одним рывком схватил ее, вскинул на плечо. Джулия рванулась.) Ну, ладно, ладно.

Джулия. Иванио, ду вундершон. (Ласково гладит его по щеке. Раздается автоматная очередь. Джулия испуганно прижимается к Ивану.) Иванио, эсэс! Ми нон лагерь, да? Да?

Иван. Конечно, ты не бойся. (Снова автоматная очередь.)

Джулия. (Вскакивает и кричит.) Сволячи эсэс! Швайн!

Иван. Брось! Надо беречь силы!

Джулия. Гитлер капут! Гитлер кретино! Ну, шиссен, ну! Фашисто! (Берет камень и швыряет. Села, заплакала.) Плёхо, Иванио, ой, ой, плёхо!

Иван. Ничего, не бойся! Тут два патрона. (Показывает на пистолет, укрывает ее тужуркой.)

Джулия. Нон счастья Джулио.

Голоса немцев. Эй, рус инд, гурен! Ми вас будет убиваль. Ком плен. Бросай холодна гора. Шпацирен горяча крематориум!

Джулия. (Привстала на колени, вскинула кулачки.) Фашисто! Своляч. Нейман зи унс! Ну?! (Иван взял ее за плечи, прижал к себе. Джулия в отчаянии плачет.)

Иван. Ну не надо! Не надо! Ничего.

Джулия. Иванио? Где есть Бог? Где есть Мадонно? Почему нон кара фашизм? (Ломает в отчаянии руки.)

Иван. (Очнувшись, крикнул.) Есть справедливость! Будет им кара! Будет!

Джулия. Где есть кара? Где? Энглии? Америка? Совет Унион?

Иван. Конечно! Советский Союз. Он свернет хребет этим сволочам.

Джулия. Совет Унион?

Иван. Ну, конечно.

Джулия. (Смотрит с надеждой.) Он карашо? Люге, люге все?..

Иван. Что?

Джулия. Россия карашо? Справьядливо? Блягородно?

Иван. (Твердо.) Да. Россия - чудесная, хорошая, справедливая страна. Лучше ее нет. А что еще будет! После войны! Когда раздавим Гитлера! Эх, если бы хоть один день! Один только день! (Готов заплакать.)

Джулия. (Ласково сквозь слезы, с улыбкой прикоснулась к нему.) Я знат. Я знат. Я верит тебе. (Кричат немцы. Автоматная очередь: Иван дернул Джулию за тужурку, она пригнулась.)

Иван. Стреляйте, сволочи! Мы еще живы! (Джулия хотела что-то сказать, вскинула голову, Иван жестом остановил ее. Вслушиваются, напряженно глядя друг на друга. Лай собак.)

Иван. (Поднялся, разъяренный.) Звери! Звери! Сами боитесь - помощников ведете! Все равно нас не взять вам! Поняли? (Джулия бросилась к Ивану, прижалась к нему и закрыла лицо руками.)

Джулия. Нон собак! Нон собак! Иванио, эршиссен. Скоро! (Иван схватил за руку Джулию, бегут. Иван толкает Джулию.)

Иван. Прыгай! Прыгай! (Джулия прыгает за сцену. Лай собак громче. Пистолетный выстрел. Звучит музыка «Аве Мария».)

Голос Джулии. Здравствуйте, родные Ивана. Здравствуйте, деревня Терешки у Двух Голубых озер в Белоруссии. Это пишет Джулли Новелли из Рима. Мне пришлось разделить с Иваном последние три дня Его жизни - три огромных, как вечность, дня побега, любви и невообразимого счастья. Судьбе не угодно было дать мне разделить с Ним и смерть - рок или обычный нарастающий сугроб снега на склоне горы не дали мне разбиться в пропасти. Я содрогаюсь от мысли, что могла бы не встретиться с Ним, попасть в другой лагерь, не побежать за Ним после страшного взрыва, пройти в жизни где-то мимо, не соприкоснуться с Ним. Я говорю спасибо провидению, спасибо всем испытаниям, выпавшим на мою долю, спасибо случаю, сведшему меня с Ним. С благодарностью ко всем - родившим, воспитавшим и знавшим Человека, истинно русского по доброте и достойного восхищения по своему мужеству. Не забывайте Его!

(Музыка звучит громче. Все участники выходят на сцену.)